

ОТЗЫВ

на автореферат диссертационного исследования Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры» (специальность: 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), представленную на соискание ученой степени доктора философских наук

Из данного автореферата явствует, что концепция диссертации сводится к следующему: В рамках своих профессиональных занятий философы пишут и говорят, поэтому философия есть деятельность. Философские тексты, создаваемые в ее процессе, как и любые тексты, имеют свою прагматику и могут воздействовать на читателя / слушателя. Будучи речевой, философская деятельность совершается в формах диалога и монолога. На классическом этапе древнегреческой философии, с появлением философских текстов различных жанров, произошло размежевание двух этих форм. При этом философский диалог (диссертант не проясняет, что именно он имеет в виду здесь: литературные тексты, вроде платоновских, живой сократический диалог или то и другое вместе) в основном призван воздействовать, а монолог служить свидетельством об изменениях в мировоззрении автора. После разделения обеих форм появилась возможность перехода диалога в монолог. Под знаком этого перехода в основном и развивалась европейская философия, так что воздействующее и созерцательное начала в ней традиционно взаимосвязаны. Что касается тем и целей, преобладавших в её истории, то тут различаются три ступени: на античной они вращались вокруг идеи совершенствования, на средневековой – вокруг идеи преображения, а в Модерн вплоть до наших дней – вокруг идеи подлинности. Плюс некоторые новшества человеко-машинной коммуникации.

Вот в общем-то и всё (вопрос о корректности этой концепции я пока не ставлю). Но понимание этого затруднено чрезмерно наукообразным стилем повествования, а также, ещё в большей степени, проблематичным терминологическим аппаратом. Этот аппарат не снимает, а создаёт затруднения. Учитывая, что автор представляет его разработку как теоретическое достижение, рассмотрим его внимательнее. Начнем с общеизвестных понятий, которые используются в диссертации расплывчато-многозначно.

Прежде всего это понятие философского текста. Автор использует его а) в обычном смысле (ср. «Феноменология духа»); б) как деятельность, отождествляемую с понятиями дискурса и дискурсивной практики; с) как «способ деятельности, [который] репрезентирован в совокупности процессов создания, трансляции и воспроизводства продуктов текстовой деятельности», т.е. как а) + б) + прочие аспекты функционирования текстов. И так как «текст», «текстовый» чаще всего используются в работе без уточнения, т.е. в предельно широком смысле с), то постоянно приходится гадать, что именно подразумевается в том или ином случае.

Производными от текста становятся понятия диалога и монолога. Каждое из них используется примерно в тех же трёх значениях. Только в с) теперь фигурирует не «способ», а «формат» деятельности. Ср.: «...В философии диалог не есть ни жанр, ни стиль, его следует считать **форматом текстовой деятельности**. Именно в смысле глагола форматировать он сочетает в себе способ личностного взаимодействия, осуществляемый в качестве дискурсивной практики, а также механизм философской текстовой культуры, обеспечивающий воспроизводство этой практики». Очевидно, что автор сам запутывается в определении, почему-то отрицая здесь значение а): «диалог не есть жанр» и при этом работая в диссертации с текстами Платона, С.Н. Булгакова и проч., относящимися к литературному жанру философского диалога. Как видим, в приведенной цитате появляется еще один смысл d) механизм ФТК. Поскольку поле возможных значений возросло еще более, проблемы с пониманием терминов «диалог», «диалогический» в диссертации лишь усиливаются. В общем то же касается монолога.

Обратим внимание на новый термин «формат текстовой деятельности». Его самое строгое определение таково: «Под **форматом текста (ФТ)** мы понимаем совокупность параметров (способ текстовой деятельности, прием, дискурсивная практика, цель), обозначающую механизм дискурсивной настройки текстовой деятельности в качестве транслируемой и воспроизводимой в культуре». Так как диалог и монолог мыслятся как ФТ, их семантика расширяется, вбирая в себя перечисленный ряд дополнительных элементов. Теперь это не только способ, но и «прием, дискурсивная практика, цель», а ниже еще и «дискурсивная позиция субъекта». В итоге объем и содержание понятий диалога и монолога становятся необозримыми, так что под каждым можно понимать очень многое и ничего конкретно. Это крайне затрудняет понимание текста диссертации, который прост в сухом остатке.

Теперь вернемся к монологу. О нём диссертант говорит, что «режим текстовой деятельности», ему свойственный, – это «режим созерцания, он активизируется в письменном тексте (значение а). – А.К.). Его основой является дискурсивная позиция свидетеля, а целью деятельности созерцания является фиксация результата рефлексии как свидетельство опыта умоперемены (метанойя)». Опираясь на эту цитату, я хочу показать, почему ещё понятийный аппарат диссертации не разрешает, а создаёт затруднения. Прибегнем к заурядной проверке практикой. Могут ли те из нас, кто сам создаёт философские тексты, узнать здесь то, что он или она по-настоящему делает? Я нет. Вот сейчас я пишу этот отзыв. Философский текст? Очевидно. При этом я нахожусь в другой позиции, нежели созерцающий свидетель, фиксирующий «результат рефлексии» в качестве «опыта умоперемены». Это более активная позиция: я размышляю словесно, ищу аргументы, строю стратегию, а не просто облачаю в речь уже готовые когнитивные результаты. Так же обстоит дело с созданием любого другого произведения. Второй вопрос: даёт ли приведённое описание монолога что-то значимое для понимания того, что мы реально делаем, создавая философские тексты? Тоже нет. Тогда зачем определять монолог этим странным образом?

С характеристикой философского диалога всё обстоит ещё хуже. «Режим текстовой деятельности», ему присущий, автор видит в «воздействии, он активизируется в непосредственном контакте, т.е. в устной беседе. Его базис составляет дискурсивная позиция участника, а цель деятельности воздействия состоит в том, чтобы побудить Другого к рефлексии, инициировать умоперемену (метанойя) в ее осуществлении». Замечу, что «устная беседа» – это жанр речи, к которому относится большая часть философских диалогов (в значении б) – речевая деятельность), что в очередной раз опровергает тезис диссертанта о том, что в философии диалог – не жанр. А теперь обратимся к той же проверке практикой. Корректно ли сводить суть живого философского диалога в воздействии с целью «побудить Другого к рефлексии», т.е. мыслить диалог сугубо манипулятивно? Если бы это так было, то мы – когда участвуем в беседе как философы – были бы несносными, отвратительными людьми! Прожженными манипуляторами, пусть даже верящими в то, что наше воздействие на других принесёт им благо. Уж мы-то знаем, в чем их благо (ср. 3-й и 4-й абзацы в пункте практической значимости)... На самом деле это не так. Как и все люди, мы вступаем в беседу, как правило, ради самой беседы, просто потому, что нам *нравится общаться* (особенно с теми, кто может понять нас). Вспомним Бахтина: «Жить значит общаться диалогически». Учитывая, как много диссертант ссылается на него и других представителей философии диалога, удивляешься, почему так мало он вынес из их работ, если сводит диалог к одностороннему воздействию.

Я думаю, дело в том, что прообраз философской беседы, ставший нормативным образцом, автор находит в платоновских диалогах, а нормативный образец настоящего философа, беседующего с кем-то, видит в лице их главного героя – Сократа. Это ошибочное решение хотя бы по той причине, что парадигмой живой, непосредственной беседы признаётся литературный текст, чей герой используется Платоном для своих литературных же целей. Так что если судить о платоновском Сократе в свете обычных этических норм и правил приличий, то перед нами действительно манипулятор¹. Словом, что хорошо и уместно в литературе, то необязательно таково в жизни. Но диссертант в попытке создать теорию диалога как некоего формата текстовой культуры попадает впросак, принимая ряд литературных текстов за универсальный образец диалога между живыми людьми. Эта наивная ошибка обусловлена крайне размытым пониманием того, что такое

¹ См. пассаж С.С. Аверинцева: «Греки... изобрели совсем особый, опосредованный, объективированный тип коммуникации-через-литературу, сознательно отделенной от жизненного общения. Со стихией разговора они поступили по-своему, переместив его *внутри* литературного произведения и создав драматические жанры и прозаический диалог (...) Разговор искусственно воссоздается, имитируется, стилизуется средствами литературы. Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога – это диалоги Платона, а их самый главный герой, самый непрменный персонаж и самый яркий образ – Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть внутренне окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими, как вещами, сам никем не движимый» (Аверинцев С.С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 49-50).

текст, в частности странным привеском к его семантике в виде значения с), выражаемого формулой: а) + б) + прочие аспекты функционирования текста (см. выше). Как видим, в этом значении соединяются в одно смутное целое литературный текст (а) и речевая деятельность (б), не говоря об остальном.

В итоге о ключевом объекте исследования мы получаем нереальное представление, так что неясно, что же на самом деле исследует автор и не есть ли его «диалог» только плод концептуальных химер и ошибок? Если исходить из предложенного нам нормативного образца, открывается парадокс: этот «диалог» есть не что иное как монолог! И не приходится удивляться, что он вовсе не похож на то, что все мы знаем как живую устную беседу. В этом же духе можно было бы разобрать и «монолог» диссертации, идея которого тоже навеяна античными представлениями, но лишена той путаницы, от которой пострадал «диалог».

Последний термин, на котором остановимся, – «текстовое поведение». Под ним автор понимает «вычленяемые в рамках формата дискурсивные приемы (в другом месте «практики». – А.К.) как образцы текстовой деятельности (в другом месте «воздействия». – А.К.), обеспечивающие в культуре функцию воспроизводства текстовой деятельности». Первый вопрос: если есть дискурсивные приемы и практики, то зачем вводить новый и несуразный термин «текстовое поведение»? Зачем множить понятия без необходимости? Кроме того, значение ТП покрывается понятием формата текста, включающим в себя дискурсивные практики (см. выше), а также синонимическим понятием режима текстовой деятельности, которое нигде не определено конкретно. На это совпадение указывает то, что наряду с двумя форматами и режимами (диалога и монолога), диссертант различает «монологовую и диалоговую формы текстового поведения» и «текстовое поведение диалога (и монолога)». И раз за образцовый диалог приняты литературные тексты Платона, формы поведения диалога: «приобщение к философии, наставление в опыте созерцания, дружеское общение», – вычленяются из них же. Это приёмы и практики, которые использует один литературный персонаж, чтобы воздействовать на других литературных персонажей. И неясно, почему нас обязывают видеть в них универсальные образцы философского диалога во всей европейской культуре и, что главное, в самой жизни. Ведь даже дружеское общение понимается здесь сугубо манипулятивно – как «такое воздействие на собеседника, в результате которого должна появиться философская речь как способ совместного человеческого бытия».

Понятия «формат текста» и «текстовое поведение» определяются при описании методологической основы исследования, так словно они выполняют там важную роль. На самом же деле, если и можно говорить об их методологической роли, то как о деструктивной по преимуществу: они сбивают с толку и создают путаницу, ничего не проясняя в действительности. Так что когда в пункте практической значимости работы читаешь о том, что «создана модель текстового поведения диалога, позволяющая регулировать процессом (sic!) межличностного взаимодействия в системе деятельности, представленной

практикой академического наставничества, практикой личностного развития, практикой повседневности», – мягко говоря, овладевает сомнение. Кстати, следующий абзац данного пункта вызывает уже не сомнение, а недоумение – настолько он фантастичен.

Подведём итоги. Предложенная в диссертации «модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки» по существу ничего не проясняет в этой культуре. С одной стороны, она тривиальна, с другой – искажает и запутывает реальное положение вещей, с третьей – морально сомнительна, как оправдывающая манипулятивное поведение. Этот негативный результат в немалой мере предопределён неоправданным нагнетанием терминов с размытой семантикой, которые по большей части избыточны, и использованием замысловатого жаргона. Кроме того, эти термины отчасти дублируют друг друга, а также мало (или вовсе не) соответствуют реалиям подлинной философской практики и коммуникации в целом. Не помогает и приведенная выше метафора: она всецело произвольна. Закономерно, что в наибольшей степени искажения постигли теорию диалога, о прагматическом потенциале которого мы не узнаем из работы ничего принципиально нового. Таким образом, диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук, не отвечает требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

05.03.2024

Д. филос. н., доцент, профессор
кафедры философии института
«Таврическая Академия»,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»

Карабыков
Антон Владимирович

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»

295007, г. Симферополь, ул. Ялтинская
20, кафедра философии, ауд. 310
Тел.: 8-978-5021986
E-mail: meavox@mail.ru



03
А.И. Широким
24